

Шестого числа шестого лунного месяца — время сушить красное да зеленое, чтобы моль не ела, чтобы червь не точил.

Наступил очередной шестой день шестого лунного месяца, день ежегодного праздника просушки. В этот день солнце палит нещадно, и после зимних холодов, весенней сырости и затяжных летних дождей каждая семья принимается перетряхивать сундуки и шкафы, вынося на подворья одежду и одеяла. Говорят, если просушить вещи в этот день, они не будут гнить и портиться. Конечно, утверждать, что это истинная правда — значит преувеличивать, но и называть это полной чепухой тоже нельзя. А где в этих поверьях правда, а где вымысел, мало кто возьмется судить.

На самом деле праздник этот задумывался лишь для того, чтобы избавиться от сырости и плесени, но из поколения в поколение он обрастал новыми смыслами. Богатые дома выставляли напоказ целые дворы, устланные шелками и атласами, чтобы подчеркнуть свое благосостояние, а бедняки старались вывесить у входа хоть что-то яркое и целое, лишь бы не ударить в грязь лицом перед соседями.

С самого утра во всех дворах городка Циншуй пестрели наряды и одеяла, и лишь в одном доме картина была иной. За покосившимся плетнем на земле лежали книги, а одежды и одеял было всего три-четыре штуки, причем все в заплатках. И хотя заплатки подобрали почти в тон, выглядело это донельзя убого.

Однако хозяйка дома, юная девушка, пребывала в отличном расположении духа. Она напевала песенку, выбивая бамбуковой палкой пыль из одеяла, да так усердно, что подняла целое облако, отчего сама же и закашлялась, подавившись собственной мелодией.

— Ку-эр, время-то идет, а ты еще не собираешься к старому князю Цяо на работу? — это была тетушка Лю из соседнего дома. Она как раз прилаживала бамбуковую перекладину, чтобы развесить свои многочисленные вещи, которым не хватало места.

— Не спешу, тетушка. Сегодня мне не нужно подметать двор. Управляющий велел принести овощи к часу змеи, так что времени еще полно, — Ли Ку-эр была необычайно рада. Подумать только, в такой день старый управляющий княжеского поместья дал ей выходной! Впрочем, это понятно: сейчас ведь не осень, когда листья сыплются непрерывно и двор нужно подметать по нескольку раз в день.

Говорят, детям из бедных семей нужно давать «дешевые» имена, чтобы они росли здоровыми. Родители Ли Ку-эр последовали этому правилу, но имя не помогло: мать умерла, когда девочке было четыре года, а отец — в девять лет. С тех пор жизнь семьи превратилась в сплошную горечь.

В те времена роды для женщины были словно поход в преисподнюю, и мать Ку-эр, промаявшись четыре года на самом краю, все же шагнула в вечность. Ку-эр едва научилась связно говорить, как осталась без матери, и ей пришлось учиться стирать, готовить и шить — то, чем другие девочки занимались лишь к семи-восемью годам. Да и отцу ее не повезло. Он был

местным писарем, сочинял письма для неграмотных, работа казалась вполне надежной, но однажды в чайной над его лавкой случилась драка, и кто-то из неумных посетителей швырнул вниз винный кувшин. Господин Ли принял удар на себя и скончался на месте.

Так Ли Ку-эр осталась одна с домом, двором, клочком земли и крошечной компенсацией за смерть отца. Жизнь стала тихой и безрадостной: днем приходилось запира́ть ворота на засов, а деньги таяли на глазах. Земли не хватало, чтобы прокормиться, и уже через год сбережения подошли к концу. К счастью, в город Циншуй перебрался старый князь, говорят, третий дядя нынешнего императора. В преклонном возрасте он решил обосноваться здесь, купил огромный участок в восточной части переуллка Цинцю и выстроил поместье Цяо — самое роскошное во всем уезде Линси. Старый князь любил роскошь и комфорт, как и подобает человеку с королевской кровью, но сердце у него было доброе. Помимо своих слуг, он нанял в городке десятка полтора рабочих. Кабальных договоров не требовал, и если кто хотел уйти — достаточно было предупредить за три месяца. Свобода полная.

Ку-эр было всего десять, когда она поняла, что нужно начинать копить на приданое. Увидев такую возможность, она не раздумывая встала в очередь желающих наняться в поместье. Конечно, девочка была слишком мала, да и сил в ней было немного, но Ку-эр умела рассказывать истории так живо, как никто другой. Видимо, сказывались гены отца-литератора. Она так расписала свою горькую судьбу, что слушатели прослезились, а миловидное и одухотворенное лицо девочки окончательно покорило сердце управляющего. Ее взяли горничной для уборки заднего двора. Весной и летом — дважды в день, осенью и зимой — трижды. А овощи со своего огорода она могла продавать прямо на кухню поместья.

Сейчас Ку-эр исполнилось пятнадцать. За пять лет она заработала на еду и одежду, но не более того. О том, чтобы купить отрез ткани у портного Лю на новое платье, нечего было и мечтать: приходилось экономить на всем, даже на куске мяса. В шкатулке, спрятанной на дне сундука, лежали медные монетки, но собрать из них хотя бы один серебряный слиток никак не удавалось. Ку-эр тяжело вздохнула:

— Какая беда... До двадцати лет не выйти замуж, а после двадцати будет еще труднее.

Для своего возраста она рассуждала здраво. Мало у кого из местных девушек не было приданого, а те, что выходили с пустыми руками, в лучшем случае получали капельку любви мужа на пару лет, а потом превращались в бесправных служанок, терпевших побои и упреки свекрови. Ужасная судьба... К тому же, у нее не было ни отца, ни матери, и за спиной шептались, что она приносит несчастье. Найти хорошего мужа казалось чем-то из области фантазий.

От этих мыслей на душе становилось только тяжелее. Она посмотрела на книги, разложенные на солнце. Когда-то отец твердил ей, что в книгах скрыты и золотые дворцы, и прекрасные красавицы. В детстве она прочла немало, но так и не нашла в страницах ни золота, ни красавиц. Если бы они там действительно были, разве мучилась бы она сейчас так из-за отсутствия приданого?

Но раздумьями сыт не будешь. Ку-эр поднялась, взяла корзинку и нож для срезания зелени и отправилась в поле. Участок был недалеко. Раньше, когда мать болела, а отец был занят

писаниной, земля пустовала, и лишь став сиротой, Ку-эр начала ее возделывать. Первая партия овощей уже созрела, зелень была сочной и свежей. Срезая стебли, она все думала, как бы сэкономить еще немного денег. В прошлом месяце ей исполнилось пятнадцать, она стала взрослее — может, попросить управляющего о более высокооплачиваемой работе? Но какой? Она так и не придумала ничего дельного, пока корзинка не наполнилась до краев.

Ку-эр поспешила домой, вымыла овощи в колодезной воде и, видя, что время поджидает, направилась к поместью Цяо.

Поместье располагалось в восточном конце переулка Цинцю, а дом Ку-эр — в западном. Стоило выйти из дома и пойти прямо на восток, как оказываешься у цели. Поместье было огромным — оно занимало треть всего переулка. Путь от дома до задних ворот занимал меньше времени, чем нужно, чтобы догорела палочка благовоний. Идеальное расстояние.

— Тук-тук-тук! — она постучала медным кольцом в форме льва. Вскоре появился охранник Чжао Эр, который отвечал за задние ворота. Они виделись каждый день, так что не знать друг друга было невозможно.

— О, Ку-эр пришла!

— Сегодняшняя зелень хороша, — добавил он.

Ку-эр любила, когда ее хвалят — неважно, за овощи или за что-то другое. Внешне она оставалась невозмутимой, но внутри расцветала:

— А когда она была плохой? Брат Чжао, я не опоздала?

— Нет-нет, до обеда еще далеко. Кстати, сегодня на кухню придет новый человек. Говорят, князь пригласил мастера за огромные деньги, будет готовить для него и княгини трижды в день. Важная птица!

— За огромные деньги... — Ку-эр уловила суть. — Звучит пугающе. Уже приехала? Как зовут?

— Еще нет, думаю, к полудню будет. Матушка Сюй сказала, что это повариха, а как зовут — не знаю.

— Понятно... — Ку-эр подумала, что новая повариха не имеет к ней никакого отношения. В поместье была строгая иерархия, и между «важной» поварихой и простой горничной, приносящей овощи, лежала целая пропасть. Интерес сразу угас, и она потянулась к дверям.

— Эй, Ку-эр, думаю, тебе лучше не уходить после обеда, — Чжао Эр придержал ее за рукав.

Ку-эр не поняла:

— Почему? Управляющий же дал мне выходной.

— Эх, ну какая же ты непонятливая... — Чжао Эр смотрел на нее как на ту маленькую девочку, которой она была когда-то. — Столько лет прошло, выросла, похорошела, а ума не прибавилось. Не хочешь остаться и посмотреть на новую повариху? Даже если она готовит только для господ, неужели ты думаешь, что это тебя совсем не коснется?

Ку-эр планировала вернуться домой, собрать вещи и вскопать грядки. Она заколебалась. С одной стороны, ей действительно не было до поварихи никакого дела, да и заискивать перед ней было бы глупо. Но с другой — время шло, и если она продолжит болтать с Чжао Эром, то точно опоздает с овощами. Пришлось ответить уклончиво:

— Как скажешь, пусть будет по-твоему, — сказала она и направилась на кухню.

<http://bllate.org/book/19134/1879207>